

Глава 1

В густых вечерних сумерках старший оперуполномоченный главка угрозыска полковник Гуров неспешной походкой направлялся к своему подъезду, обдумывая планы на завтрашний день. Неожиданно краем глаза он уловил смутный женский силуэт, торопливо двинувшийся к нему со стороны лавочки под тополем, где обычно заседало местное «политбюро» пенсионерок. Интуитивно он сразу же догадался — это по его душу. И, скорее всего, с какой-нибудь просьбой. Что за просьба может быть? Надо думать, все то же, что было слышано им не единожды. Кто-то чего-то напортачил, а его близкие родственники, будучи не в силах поверить в виновность «такого хорошего мальчика», всевозможными способами пытаются изыскать возможности, как бы избавить его от ответственности. Как же это все напрягает!..

Приблизившись к нему и взволнованно дыша, незнакомка, которой на вид было лет

двадцать шесть — двадцать семь, прерывающимся голосом поздоровалась и заговорила, прижимая руки к груди:

— ...Лев Иванович! Вы — моя последняя надежда на справедливость. Я прошла все семь кругов ада — и следственный комитет, и прокуратуру, и адвокатуру, и суд... И все напрасно! Поэтому решила побеспокоить вас. Мне о вас рассказала знакомая, как о человеке глубоко порядочном и справедливом. Вы не могли бы уделить мне пять-десять минут? Я понимаю, что заявила не вовремя, но...

Мысленно отметив: «Ну, ешкин кот, опять все то же, что и всегда: я — «последняя надежда», я — «глубоко порядочный», «справедливый»... И все ради того, чтобы кто-то из ее родственников не оказался на нарах. Хм-м-м... Ладно, никуда не денешься, придется вникать. Вдруг и в самом деле под раздачу попал невинный?..» — Гуров остановился и, взглянув на часы, коротко кивнул:

— Слушаю вас...

Шмыгнув носом и смахнув слезы с длинных пушистых ресниц, незнакомка представилась как жительница Подмосковья Вологодцева Ирина Александровна, работающая учителем русского языка и литературы в одной из тамошних школ. Поминутно вздыхая, девушка несколько скомканно начала свое повествование:

— Лев Иванович, три дня назад по ложному обвинению, по грязному навету, под стражу взяли моего старшего брата, будто он... Ой, господи, даже говорить — язык не поворачивается! — Она всхлипнула и торопливо перекрестилась. — Будто он покушался на свою падчерицу. А он не мог этого сделать! Понимаете? Он хороший, добрый, порядочный человек, он любит ее как родную дочь...

Слушая свою собеседницу, Гуров задумчиво нахмурил лоб. «Приплыли! — мысленно резюмировал он. — И тут — «ложное обвинение», «грязный навет»... Прямо как будто все по одной шпаргалке готовятся. Хотя, что тут удивительного? Для таких самодеятельных «адвокатов» их родственник — типаж всегда и во всем, безусловно, положительный, не способный кому-либо причинить зла. Тогда как на самом деле «белый и пушистый» иной раз такое сотворит!.. Да-а-а! Попробуй пойми этих ходатаев — они сами заблуждаются или пытаются ввести в заблуждение других?..»

— Я так понимаю, о покушении на ребенка заявила жена вашего брата? Его, кстати, как зовут? Где он проживает? — В голосе Льва сквозила усталость и даже сдержанный холодок.

Однажды он уже сталкивался с подобным случаем. Несколько лет назад на этом же самом месте мать подозреваемого в ограблении

и убийстве инвалида умоляла его разобраться с делом ее «лапулечки», который, по мнению охваченной горем женщины, являл собой без малого ангела во плоти, не способного даже помыслить о чем-то низменном. На следующий день, потратив пару часов личного времени, Гуров выяснил, что ангелоподобный лапулечка на самом деле — законченный подонок, ранее совершивший целую серию нападений на молодых женщин, которых он не только грабил, но еще и зверски избивал и насиловал. К тому моменту, как к Гурову пришла мать задержанного, его уже опознали потерпевшие, часть из которых все еще находилась в больнице. Вот и теперь — не такого ли «лапулечку» пытается «отмазать» его сестра?

Но та, как видно, ощутив не самое позитивное настроение полковника, немедленно взяла себя в руки и, отбросив слезливую жалостливость в интонациях голоса, произнесла уже достаточно твердо и решительно:

— Лев Иванович, вы, наверное, уже не раз сталкивались с ситуациями, когда родственники пытались выгородить настоящих преступников, даже зная о том, что они натворили на самом деле. Заверяю вас — это не тот случай. Я могу назвать не менее десятка достойных людей, которые хорошо знают моего брата и подтвердят, что он и в самом деле невиновен. Его зовут Вологодцев Борис.

Он работает старшим научным сотрудником НИИ геологоразведки и недропользования. Можете созвониться с его коллегами, и они расскажут, что он за человек.

Словно обретя второе дыхание, Ирина заговорила в чем-то даже напористо, особо подчеркивая, что Борис ранее к ответственности не привлекался и судим никогда не был. По ее словам, брату недавно исполнилось тридцать два года, но он уже «без пяти минут» доктор наук. Со своей семьей Борис проживает в Мневниках. Обзавелся он ею пять лет назад, вопреки желанию сестры и других родственников. Тягостно вздыхая, Ирина рассказала, что она «костями ложилась», возражая против этого скоропалительного брака, но Борис все равно женился на молодой разведенке, которую зовут Свербицкая Стефания.

У его избранницы есть ребенок от первого брака — дочь Наташа. В ту пору девочке было пять лет, сейчас уже десять. К Наташе, отметила Ирина, лично она относится очень хорошо — падчерица Бориса и умница, и аккуратистка, чего нельзя сказать о Стефании. По своей натуре эта дамочка — законченный трутень, каких поискать. Свербицкая нигде не работает, зато постоянно мотается по каким-то «мутным тусовкам», путаясь там со всякими «актуалами» — непонятного рода «современными художниками» и подозрительного

вида «рок-бардами». Тогда как дома — не варено, не стирано, не убрано.

Издав нейтральное «угу» (собственно говоря, что еще можно было услышать от золовки о нелюбимой снохе?), Лев поинтересовался:

— А что же он с ней не разведется? Или он ничего не знает о ее похождениях?

Коротко рассмеявшись с оттенком горечи, Ирина пояснила, что Борис все распрекрасно знает о проделках своей благоверной, но продолжает жить с ней лишь из-за Наташи. Девочка обожает своего, как она называет, «папу Борю». Да и он душой успел прикипеть к ребенку. Борис уже несколько раз предпринимал попытки порвать со Стефанией, но в последний момент менял свое решение. И только из-за Наташи. В те дни, когда он уезжал в командировки, девочка становилась сама не своя — ничему не была рада, часто плакала... Стоило ему вернуться — она тут же оживала, от своего «папы Бори» не отходила ни на шаг. У Стефании это частенько вызывало настоящую ревность.

— ...«Наташа, что это ты к нему прицепилась?» — Ирина изобразила жену брата. — Иногда возникает такое ощущение, что это не он отчим Наташи, а Стефания — ее мачеха.

— А откуда у нее такое не совсем обычное имя — Стефания? — с некоторым недоумением хмыкнул Гуров.

— Это ее папочка дал ей такое заковыристое имечко! — пренебрежительно махнула рукой девушка. — Вечно эта Стешка — я ее так зову — корчит из себя что-то невероятное. Ну, так это и понятно — она ведь из семьи не простой, а из особо интеллигентной. Ее отец преподает философию то ли во Львове, то ли еще где, в какой-то там униатской академии. Кстати, он один из авторов теории существования «укров», что и египетские пирамиды построили, и лопатами вырыли Черное море... Думаю, у его доченьки мозги и свихнулись на этой почве.

— А какого же беса она не вышла замуж у себя во Львове за близкого по духу и настроениям? — пожал плечами Лев.

— А кому она там нужна, эта чванливая кретинка?! — тяжело вздохнула Ирина. — Там ведь тоже не дураки. Они ищут себе скромных и порядочных. Да и работающих. На кой она такая, что только и умеет краситься, а ребенок, когда Бориса нет дома, иной раз живет на одних лишь гамбургерах из соседней забегаловки? Ну, была она замужем за каким-то с югов. Так он — и года не прожили! — сбежал от нее за границу. Она тут-то как оказалась? Еще во времена Ющенко дала деру в Москву — там уже тогда житье было не мед. Ну а здесь, чтобы получить гражданство и прописку, нашла Борю-простака. Теперь вот надумала упрятать его в тюрьму...

— Причина? — все так же нейтрально спросил Гуров.

— Она очевидна, как белый день! — развела руками Ирина. — Раз и гражданство, и квартира с пропиской у Стешки уже есть, то Борис, понятное дело, ей уже не нужен. От него теперь можно спокойно избавиться. Она и нашла самый простой и легкий способ — оклеветать, оболгать, облить грязью с ног до головы... Стешка хорошо рассчитала, что из тюрьмы он уж точно не выйдет.

— Почему вы считаете, что он не выйдет? У него проблемы со здоровьем?

Лев с какого-то момента ощутил, что его недоверие и настороженность постепенно начали таять. Что-то внутри подсказывало — Ирина говорит искренне, ни на йоту не кривя душой.

— До женитьбы он был совершенно здоровый человек. — В голосе девушки прозвучали горечь и досада. — А эта ведьма за пять лет все его здоровье высосала без остатка. Как вы думаете, где он сейчас находится? Лежит в больнице. И знаете, почему?

Марина рассказала, что, когда Бориса в наручниках прямо с работы увезли в СИЗО, в первый же вечер у него случился тяжелейший инфаркт. Еще бы, такое пережить! Он бы умер той же ночью, если бы не сокамерники.

■ Один из воров со стажем, который сумел про-

нести с собой сотовый телефон, позвонил в «Скорую». Вот такой парадокс — уголовник оказался гуманнее так называемых правоохранителей. Эти мало того что проигнорировали состояние Бориса, так еще и не хотели пускать к нему врачей — заподозрили, что он притворяется.

Брата Ирины поместили в одну из клиник, по соседству со следственным изолятором. И хотя ему, с учетом состояния, нужен полный покой, в палату ежедневно навещается следователь, который выжимает из него «чистосердечное» в том, чего он не совершал.

— Вы с ним виделись? Я имею в виду, с братом? — Гуров нахмурился, в его глазах промелькнули искорки возмущения.

— Он в отдельной палате, под охраной. Никого туда не допускают. Но сегодня я сумела к нему пробраться. Договорилась с одной медсестрой — мы с ней немного похожи, и я вместо нее прошла в изолятор, как бы для выполнения процедур. Борис очень плох. Он подавлен, он не хочет жить. Этот поганец следователь пригрозил, что очень скоро его снова отправят в СИЗО, но уже в другую камеру, к каким-то беспредельщикам. Дескать, посидишь с ними — запоешь по-другому. А не запоешь, так закукарекаешь...

Проводив взглядом молодую парочку, которая, посматривая в их сторону, зашагала к

крайнему подъезду, шушукаясь и пересмеиваясь, Лев резюмировал:

— И тогда вы снова пошли по всевозможным конторам, где вам снова добиться ничего не удалось...

Ирина в ответ удрученно кивнула. По ее словам, куда бы она ни обращалась, ее не считали должным даже выслушать до конца. И в прокуратуре, следователь которой ведет дело, и в следственном комитете ей категорично объяснили, что якобы совершенное ее братом в особых доказательствах не нуждается. Вроде того, заявительница прямо указала в своем заявлении, что лично застала мужа в тот момент, когда он пытался совершить развратные действия в отношении ее ребенка. «Не доверять ее информации у нас оснований нет!» — с нескрываемым пренебрежением (как же, сеструха извращенца-уголовника!) обронил один из прокурорских работников.

Следователь, который занимается делом Бориса, уведомил Ирину без обиняков: «Вологодцев — педофил. Я в этом уверен и докажу его вину, как бы и кто бы ни пытался помешать следствию. Я его дожду. Он все равно признается. Более того! У меня есть подозрение, что это не единичный эпизод его преступных походов. Думаю, отбывать ему придется за целую серию таких гнусных делишек!»

Даже в адвокатской конторе ей сразу дали понять, что в виновности ее брата там никто не сомневается. Соответственно, было предложено за совершенно безумную сумму только лишь «несколько облегчить» его участь.

Из-за истории с Борисом начались неприятности и у самой Ирины. Кто-то неизвестный «проинформировал» о происходящем коллектив ее школы в поселке Звонцово. Хотя яснее ясного — настучала Стефания, которая относилась к Ирине с той же степенью неприязни. Сегодня утром с Ириной созвонилась школьная директриса и, даже не поздоровавшись, сообщила, что ей лучше бы самой написать заявление об уходе. Дескать, все равно к первому сентября вместо нее будет работать другой педагог.

— ...Мой сосед по дому — есть один там такой, Леха, который отбывал срок за хулиганство, вчера вечером мне встретился и посоветовал попросить помощи у нашего местного смотрящего, — морщась, как будто она вдруг увидела нечто противное и даже мерзкое, неохотно сообщила Ирина. — Вроде того, Гаджи — мужик авторитетный, может поспособствовать, чтобы Бориса не «опустили» в заключение. Дескать, он отправит куда надо маляву, и за своего брата можешь не париться — никто его не тронет.